

А.К. Дживилегов

**Отечественная война и русское общество
1812 - 1912 гг.**

Том 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.К. Дживилегов**
Отечественная война и русское общество 1812 - 1912 гг.: Том 7 / А.К. Дживилегов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 401 с.

ISBN 978-5-458-24410-7

Отечественная война - один из самых драматических и самых значительных по последствиям моментов русской истории. В ней все захватывает и все заставляет работать научную мысль. В ней и в событиях, которые в ней развернулись, найдут неисчерпаемый кладёз и художник, и социолог, и политик, и дипломат. Ибо она заставляла разыгрываться стаям, высоким и низменным, она производила перемены в общественном строении общества, она положила начало определенному течению и во внутренней, и во внешней политике России.

ISBN 978-5-458-24410-7

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

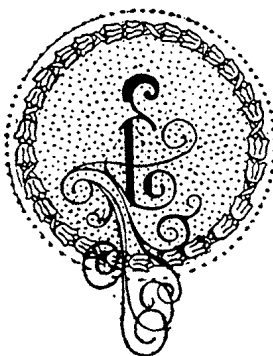
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„Гордыхъ поражаетъ, а смиренныхъ осѣняетъ“. (Альб. Лъвова).

— ЛИКВИДАЦІЯ РЕВОЛЮЦІИ. —

І. Вѣнскій конгрессъ.

Прив.-доц. В. А. Бутенко.

Европейская коалиція 1813—1814 гг., добиваясь полной победы надъ Франціей и низверженія Наполеона съ престола, все время старалась поддерживать фикцію, что она ведетъ борьбу не съ Франціей, къ которой она, наоборотъ, относится вполне дружественно, а съ однимъ Наполеономъ.

Причина этого заключалась въ томъ, что союзники далеко не были увѣрены въ своей побѣдѣ. Зная, насколько утомлено французское общество и истощена вся страна непрерывными войнами, сильныя державы хотѣли такимъ образомъ отдѣлить дѣло Наполеона отъ дѣла Франціи,

показать французамъ, въ какую пропасть ихъ ведетъ честолюбіе ихъ императора, усилить внутреннюю оппозицію противъ Наполеона и облегчить себѣ побѣду. Вотъ почему въ совместной деклараціи изъ Франкфурта 4 декабря 1813 г. они прямо заявляли, что «ведутъ войну не съ Франціей, а съ тѣмъ преобладаніемъ, которымъ императоръ Наполеонъ на несчастье Европы и Франціи такъ долго пользовался за предѣлами своей имперіи», и что «желаютъ, чтобы Франція была велика, сильна и счастлива».

Ту же мысль выражала ихъ прокламація, опубликованная послѣ капитуляціи Парижа 31 марта 1814 г., говоря, что если требованія, которыя державы ставили Наполеону, были направлены къ обузданію его честолюбія, то при новомъ правительствѣ Франція получитъ болѣе благопріятныя условія мира.

Если бы заявленія союзныхъ монарховъ были вполнѣ искренни, и если бы побѣдоносная коалиція послѣ побѣды надъ Наполеономъ думала только о томъ, чтобы возстановить нарушенную имъ справедливость и удовлетворить законныя желанія народовъ Европы, то положеніе, въ которомъ они находились, какъ нельзя болѣе могло благопріятствовать такому плану.

Послѣ непрерывныхъ перемѣнъ, которымъ подвергалъ Наполеонъ карту Европы за время своего владычества, не осталось ни одного государства, не измѣнившаго своихъ границъ. Карту Европы какъ бы приходилось создавать заново, и представлялся случай произвести эту работу въ интересахъ всѣхъ народовъ Европы. Французское владычество возбудило въ порабощенныхъ народахъ стремленіе къ свободѣ и національной независимости, и только благодаря союзу народовъ и государей удалось побѣдить Францію.

Казалось, послѣ торжества коалиціи надъ Наполеономъ, когда, какъ любили выражаться представители этой коалиціи, палъ «всемирный угнетатель» и въ Европѣ болѣе не было ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, монархамъ особенно легко было организовать Европу на началахъ справедливости и равновѣсія, разумной свободы и національнаго самоопредѣленія, и общеевропейскій конгрессъ въ Вѣнѣ, который монархи обѣщали созвать въ ближайшемъ будущемъ для окончательнаго умиротворенія Европы, могъ прекрасно выполнить эту задачу.

Но союзныя правительства, къ сожалѣнію, были очень далеки отъ такого пониманія своей задачи. Ихъ союзъ былъ направленъ на самомъ дѣлѣ не противъ одного Наполеона, а противъ Франціи вообще, и преслѣдовалъ цѣль замѣнить французскую диктатуру въ Европѣ диктатурой четырехъ союзныхъ державъ. Ихъ задача была отобрать у Франціи все то, что было завоевано ею со времени революціи, подѣлить между собой наиболѣе выгоднымъ способомъ богатую добычу въ 32 милліона подданныхъ и создать на границѣ Франціи, возвращенной къ своимъ старымъ предѣламъ, своего рода военный кордонъ изъ достаточно сильныхъ государствъ. Они громко заявляли, что ведутъ борьбу съ Наполеономъ во имя поправленной имъ національной независимости, но на дѣлѣ обнаруживали къ принципу національностей ничуть не болѣе уваженія, чѣмъ самъ Наполеонъ. Они руководствовались въ своей работѣ только соображеніями о размѣрахъ той или другой территоріи и о числѣ душъ, ее населяющихъ, и совер-

шенно игнорировали вопросъ объ историческихъ правахъ и національныхъ стремленіяхъ населенія.

Раздѣлъ добычи, отнятой отъ Наполеона, начался даже раньше окончательной побѣды надъ нимъ. Когда обнаружилась невозможность соглашенія съ Наполеономъ, котораго, впрочемъ, союзники никогда искренно не желали, 1 марта 1814 г. представители Россіи, Австріи, Пруссіи и Англіи подписали въ Шомонѣ союзный договоръ, опредѣлившій въ основныхъ чертахъ ихъ политику на ближайшіе годы и бывшій прообразомъ будущаго Священнаго союза. Державы объявляли своей цѣлью «укрѣпить существующую между ними связь... обезпечить спокойствіе Европы восстановленіемъ справедливаго равновѣсія и поддерживать затѣмъ противъ всякихъ покушеній порядокъ вещей, который явится результатами ихъ усилій». Они соглашались выставить противъ Франціи каждая 150-тысяч-

Вѣсти изъ-подъ Ватерлоо (Вильки).

ную армію и не вступать съ ней въ переговоры иначе, какъ все вмѣстѣ. По окончаніи войны Франція возвращается къ границамъ 1792 г. Изъ Бельгіи и Голландіи образуется новое королевство, — Нидерланды подъ властью бывшаго штатгальтера Голландіи Вильгельма Оранскаго. Германія превращается въ независимую конфедерацію. Италія дѣлится на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ, при чемъ сѣверовосточная ея часть отходитъ къ Австріи. Англія сохраняетъ Іоническіе острова, о. Мальту и захваченныя ею во время войны колоніи. Испанія возвращается подъ власть Фердинанда VII.

Когда взятіе Парижа рѣшило судьбу Наполеона, и во Франціи произошла реставрація Бурбоновъ, наступилъ моментъ осуществить планъ, составленный въ Шомонѣ. 23 апрѣля братъ Людовика XVIII графъ д'Артуа (будущій Карлъ X), управлявшій временно Франціей до его пріѣзда въ качествѣ намѣстника, подписалъ предварительныя условія мира, согла-

сившись на всѣ требованія союзниковъ. Несмотря на присутствіе во Франціи союзныхъ армій, въ рукахъ французовъ за предѣлами собственной Франціи оставалось еще 53 крѣпости, занятыя французскими гарнизонами. Нѣкоторыя изъ нихъ (напр., Гамбургъ, Антверпенъ, Мантуя) представляли собой важныя стратегическія позиціи. Они снабжены были большой артиллеріей, прекрасно укрѣплены и имѣли громадныя запасы. Приморскія крѣпости имѣли, кромѣ того, въ своемъ распоряженіи флотъ.

Графъ д'Артуа, торопившійся во что бы то ни стало заключить миръ и не понимавшій послѣднихъ выгодъ положенія Франціи, однимъ почеркомъ пера рѣшилъ судьбу этихъ крѣпостей и согласился на немедленное освобожденіе ихъ французскими гарнизонами безъ всякаго вознагражденія. Франція потеряла такимъ образомъ свои послѣдніе козыри и не могла сопротивляться требованіямъ союзниковъ. Поэтому окончательный мирный трактатъ, подписанный въ Парижѣ 30 мая, былъ точнымъ осуществленіемъ условій шомонскаго договора.

Трактатъ 30 мая былъ подписанъ кромѣ Франціи и 4 великихъ державъ, находившихся противъ нея въ союзъ, Швеціей, Испаніей и Португаліей (въ Испаніи и Португаліи къ этому времени уже произошло возстановленіе старыхъ династій). Всѣ державы, участвовавшія въ договоръ, обѣщали черезъ 2 мѣсяца прислать своихъ уполномоченныхъ на конгрессъ въ Вѣну для того, чтобы рѣшить судьбу территорій, отъ притязаній на которыя отказывалась Франція, «на основаніяхъ, выработанныхъ державами, находящимися другъ съ другомъ въ союзъ». Не допустить прямо на будущій конгрессъ представителей Франціи союзники не могли вслѣдствіе принятой ими фикціи, что они ведутъ войну не съ Франціей, а съ Наполеономъ. Но зато они принимали мѣры, чтобы обезвредить французское вліяніе и рѣшить судьбу Европы безъ французскаго вмѣшательства.

Настоящій смыслъ международнаго положенія еще болѣе опредѣлился, когда императоры Александръ I, и Францъ I, и король Фридрихъ-Вильгельмъ III по заключеніи мира совершили поездку въ Англію и возобновили въ Лондонѣ съ англійскимъ принцемъ-регентомъ (будущимъ Георгомъ IV, управлявшимъ вмѣсто своего больного отца Георга III) 29 іюня союзный договоръ, заключенный въ Шомонѣ противъ Франціи.

Вслѣдъ за тѣмъ Англія взяла съ Испаніи обязательство не вступать въ союзъ съ Франціей. Одновременно 4 державы передали окончательно въ руки принца Оранскаго вновь образованное Нидерландское королевство и въ благодарность за помощь, которую имъ оказала Швеція въ борьбѣ съ Франціей, согласились на отобраніе отъ Даніи и передачу Швеціи Норвегіи, только что занятой шведскими войсками.

Къ моменту открытія Вѣнскаго конгресса судьба Европы всецѣло находилась въ рукахъ четвернаго союза, и четыре великія державы могли бы произвести раздачу добычи, полученной отъ побѣжденной Франціи, по своему усмотрѣнію, если бы онѣ сохранили между собой ту же солидарность, съ какой онѣ дѣйствовали во время войны. Но когда дѣло дошло до раздѣла, скоро обнаружилась полная невозможность примирить между собой ихъ противорѣчивыя интересы. Главнымъ вопросомъ, изъ-за котораго разошлись союзники, былъ вопросъ о будущей судьбѣ Польши и Саксоніи.

Русскій императоръ Александръ I считалъ себя въ правѣ получить вознагражденіе за принесенныя имъ жертвы. Единственная награда, которой онъ требовалъ, должна была состоять въ исправленіи ошибки, сдѣланной, по его мнѣнію, его бабкой Екатериной II по отношенію къ Польшѣ. Онъ хотѣлъ соединить подъ своей властью всѣ польскія земли, образовать изъ нихъ слабое государство, соединенное съ Россіей только личной уніей, и ввести въ немъ конституціонное устройство. Такое рѣшеніе польскаго вопроса казалось ему тѣмъ болѣе легкимъ, что его войска занимали великое герцогство Варшавское, обнимавшее собой почти всю польскую территорію, не вошедшую въ составъ Россіи по польскимъ раздѣламъ конца XVIII в. Но для того, чтобы осуществить свой планъ, Александръ I долженъ былъ позаботиться о соответственномъ вознагражденіи своего вѣрнаго союзника Фридриха-Вильгельма III, которому раньше принадлежала большая часть земель, образовавшихъ собой великое герцогство Варшавское. Сильно разсерженный противъ Фридриха-Августа I, короля саксонскаго и великаго герцога варшавскаго, за то, что онъ до послѣдняго момента остался вѣренъ Наполеону, Александръ I считалъ вполне справедливымъ вовсе лишить его престола и передать его саксонскія владѣнія Пруссіи въ вознагражденіе за польскія земли, которыя отойдутъ къ Россіи. Фридрихъ-Вильгельмъ III, рассчитывая, кромѣ того, получить значительную территорію на Рейнѣ, пограничную съ Франціей, ничего не имѣлъ противъ комбинаціи, предложенной Александромъ I, такъ какъ благодаря ей Пруссія, какъ держава на $\frac{2}{3}$ славянская, становилась державой чисто нѣмецкой въ противоположность своей постоянной соперницѣ къ Германіи—Австріи, и могла надѣяться на объединеніе Германіи подъ своей властью.

Поэтому Пруссія была не прочь поддерживать планы Александра I. Что касается Австріи, то Александръ I готовъ былъ согласиться на расширеніе ея власти въ Италіи въ вознагражденіе за уступку въ его пользу Галиціи.

Но если такимъ образомъ Россія и Пруссія попрежнему оставались объединенными не только личной дружбой своихъ монарховъ, но и солидарностью своихъ интересовъ, то совсѣмъ не таково было отношеніе къ этимъ вопросамъ Англіи и Австріи. Традиціонной политикой Англіи было соперничество съ Франціей и Россіей. Поэтому англійское правительство ничего не имѣло противъ значительнаго усиленія Пруссіи и присоединенія къ ней всей Саксоніи, такъ какъ это создало бы новый противовѣсъ Франціи. Но оно ни за что не хотѣло допустить усиленія Россіи и при-

Таллейранъ. (Scheffer).

соединенія къ ней Польши, такъ какъ боялась активной политики Александра I въ восточномъ вопросѣ.

На этомъ же основаніи не желала усиленія Россіи и Австрія. Но еще меньше она могла допустить присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи: это сдѣлало бы Пруссію ея непосредственной сосѣдкой и преобладающей державой въ Германіи.

Въ то же время Меттернихъ носился съ планами захвата въ пользу Австріи большей части Италіи. Онъ не поколебался даже вступить въ союзъ съ королемъ Неаполя Мюратомъ и гарантировать за нимъ за его измѣну Наполеону его престолъ, чтобы согласиться съ нимъ о раздѣлѣ между Австріей и Неаполемъ большей части бывшей Папской области. Раздѣливъ остальные итальянскія земли между нѣсколькими мелкими государями, онъ проектировалъ устроить изъ Италіи федерацію подъ протекторатомъ Австріи. А добыть согласіе на это со стороны Россіи и Пруссіи онъ могъ только подъ условіемъ представленія имъ полной свободы дѣйствій въ Польшѣ и Саксоніи.

Такимъ образомъ между союзниками существовали серьезныя разногласія. Будущій конгрессъ былъ поэтому отложенъ сначала до 1 сентября, потомъ до 1 октября 1814 г. въ надеждѣ, что за это время державы достигнутъ между собою соглашенія.

Союзъ 4 державъ изолировалъ и обезсилилъ Францію. Ихъ разногласія открывали предъ ней брешь, черезъ которую она снова могла вернуться въ европейскій концертъ и занять въ немъ соответственное мѣсто. Это прекрасно поняли и король Людовикъ XVIII и въ особенности его министръ иностранныхъ дѣлъ знаменитый Таллейранъ, пхавшій уполномоченнымъ Франціи на конгрессъ. На его совѣсти лежали условія парижскаго мира, и онъ торопился использовать разногласія союзниковъ для того, чтобы хоть отчасти вернуть Франціи ея положеніе. По предложенію короля онъ выработалъ самъ свои извѣстныя «инструкціи», которыя служили затѣмъ основой французской вѣннской политики вплоть до Наполеона III.

Таллейранъ прекрасно понималъ, что первымъ условіемъ успѣха должно быть полное безкорыстіе со стороны Франціи. Малѣйшія притязанія на тотъ или другой клочокъ территоріи немедленно возстановили бы противъ Франціи прежнее единеніе всей Европы. Но въ то же время совершенно ясно было, что многія второстепенныя государства Европы крайне недовольны направленіемъ политики великихъ державъ, игнорированныхъ ихъ интересы. Поддержать эти второстепенныя державы, взять ихъ подъ покровительство Франціи и, разъ нельзя было усилить Францію, по крайней мѣрѣ ослабить ея противниковъ и было ближайшей задачей Таллейрана. Съ этой точки зрѣнія нужно было противодействовать планамъ Меттерниха въ Италіи, и требовать изгнанія Мюрата изъ Неаполя, и возвращенія туда прежняго государя Фердинанда IV.

Кромѣ того, надо было противиться всѣми силами переходу Саксоніи къ Пруссіи и Польши къ Россіи. По отношенію къ Англіи, наоборотъ, ничего не требовавшей себѣ въ Европѣ, Таллейранъ собирался держаться дружественно, чтобы впослѣдствіи, когда Австрія откажется отъ захвата всей Италіи, использовать недовѣріе Австріи и Англіи къ Россіи и Пруссіи.

сії для полного раз'єдиненія союзниковъ и для образованія тройственнаго союза изъ Франціи, Англіи и Австріи.

Такіе планы Таллейрана подходили какъ нельзя лучше и къ традиціонной политикѣ Франціи, и къ семейнымъ связямъ Людовика XVIII, такъ какъ саксонскій король былъ его двоюроднымъ братомъ, а Фердинандъ IV принадлежалъ къ династіи Бурбоновъ. Соотвѣтствовали они и тому принципу реставраціи стараго «законнаго» порядка, который естественно выдвигался всѣми сторонниками реакціи послѣ возстановленія во Франціи старой династіи, и которому самъ Таллейранъ далъ имя «легитимизма». Положеніе Франціи лишало ее возможности проводить политику интересовъ и позволяло только говорить о политикѣ принциповъ. Таллейранъ сумѣлъ провозгласить принципъ, свидѣтельствовавшій о безкорыстїи французской политики и въ то же время могшій въ его рукахъ служить превосходнымъ орудіемъ для возвращенія Франціи вліянія на дѣла Европы.

Конечно, положеніе Таллейрана, бывшаго конституціоннаго епископа, отказавшагося отъ своего духовнаго званія для дипломатической карьеры, съ одинаковымъ усердіемъ и безпринципностью служившаго Дантону, директоріи, а затѣмъ бывшаго правой рукой Наполеона до самой своей опалы въ 1808 г., было очень затруднительно въ новой роли защитника реставраціи и рыцаря легитимизма. Но онъ могъ себя утѣшать мыслью, что и у тѣхъ дипломатовъ, съ которыми онъ долженъ былъ встрѣтиться въ Вѣнѣ, совѣсть была далеко не чиста, и что онъ не встрѣтитъ среди нихъ ни одного человѣка, который бы раньше не скомпрометировалъ себя заигрываніемъ съ принципами революціи или подслуживаніемъ только что падшему властелину Европы. Слѣдовательно, всѣ они должны будутъ съ полнымъ вниманіемъ выслушивать дифирамбы принципу легитимизма со стороны того, кого они про себя не называли иначе, какъ «хромымъ дьяволомъ» (*diable boiteux*).

Съѣздъ государей и министровъ въ Вѣну начался съ половины сентября. Никогда еще ни раньше, ни позже Европа не видѣла такого блестящаго собранія, какое представлялъ собою Вѣнскій конгрессъ. На немъ присутствовали императоры русскій и австрійскій, короли прусскій, датскій, баварскій и вюртембергскій и большая часть мелкихъ германскихъ государей. Каждое государство, какъ бы ни было оно незначительно, считало долгомъ послать въ Вѣну своихъ представителей, и въ совокупности число прїѣхавшихъ дипломатическихъ миссій доходило до 216. Австрію представляли Меттернихъ и Генцъ, Англію—Кэстльри (замѣщенный позже

Лордъ Кэстльри. (Совр. грав.).

Веллингтономъ) и Стюартъ, Пруссію—Гарденбергъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ, Россію—Разумовскій и Несельроде, Францію—Таллейранъ и Дальбергъ. Кромѣ того, были представители отъ Испаніи, Португаліи, Швеціи, всѣхъ нѣмецкихъ и итальянскихъ государствъ и даже отъ отдѣльных кантоновъ Швейцаріи. Съѣздъ всевозможнаго рода посѣтителей въ Вѣну былъ такъ великъ, что современники опредѣляли его въ 100.000 человекъ. И австрійскій дворъ, обыкновенно отличавшійся большой бережливостью въ придворныхъ расходахъ, на этотъ разъ не щадилъ никакихъ средствъ, чтобы удивить собравшихся въ Вѣну представителей всей Европы роскошью своихъ празднествъ.

Время, которое провели въ Вѣнѣ государи и ихъ представители, должно имъ было казаться какой-то непрерывной фееріей, гдѣ смѣнялись другъ друга балы, маскарады, банкеты, театральныя представленія, увеселительныя прогулки, чередовавшіяся съ парадами и маневрами.

Вихрь развлеченій, который предоставила въ распоряженіе своихъ гостей Вѣна, заставилъ принца де-Линя сказать про конгрессъ, что онъ «не двигается, а танцуетъ». «Никогда, безъ сомнѣнія,—пишетъ одинъ изъ очевидцевъ,—болѣе важные и сложные интересы не обсуждались среди такого количества праздниковъ. Во время бала дробилось на части или увеличивалось королевство, во время обѣда получалось согласіе на вознагражденіе, планъ конституціи намѣчался во время охоты; иной разъ острота или удачное выраженіе скрѣпляли договоръ, заключенія котораго только съ большимъ трудомъ можно было достигнуть путемъ многочисленныхъ совѣщаній и дѣятельной переписки... Конгрессъ носилъ характеръ большого праздника, даваемого въ честь всеобщаго умиротворенія». Но одновременно съ этими непрерывными празднествами, на которыя, по приблизительному подсчету, было израсходовано до 40 милліоновъ, въ тѣни кабинетовъ шла совсѣмъ другая жизнь, скрытая отъ глазъ публики вышнимъ блескомъ развлеченій. Снаружи полное умиротвореніе Европы казалось достигнутымъ, внутри возникали крупныя столкновенія изъ-за дѣлежа добычи, грозившія разрывиться новыми войнами. Союзныя державы въ своихъ манифестахъ къ Европѣ провозглашали высокіе принципы—неотъемлемыя права, возстановленіе законныхъ правительствъ, охрану публичнаго права, независимость народовъ. Они противопоставляли эти принципы правонарушеніямъ, насиліямъ и «недостойному игу» французской республики и имперіи. Но когда имперія была разрушена, представители державъ перестали говорить о принципахъ, или, вѣрнѣе говоря, признавали только одинъ принципъ—право сильнаго. Вотъ какъ отзывался о сущности вѣнскихъ переговоровъ австрійскій дипломатъ Генцъ, исполнявшій роль секретаря конгресса и бывшій правой рукой Меттерниха: «Громкія фразы» о «реконструкціи общественнаго порядка», о «возрожденіи общеввропейской политической системы», о «продолжительномъ мирѣ, основанномъ на справедливомъ распредѣленіи силы» и т. д. фигурировали только для того, чтобы успокоить народы и придать этому торжественному собранію видъ достоинства и величія; настоящей же цѣлью конгресса былъ раздѣлъ между побѣдителями добычи, отнятой у побѣжденнаго». Противъ этихъ стремленій и собирался бороться Таллейранъ во имя провозглашеннаго принципа «легитимности». Конечно, выработанная имъ программа очень

Александръ I.
(Волкова.)

